

НА МОРСКИХ ПУТЯХ

РАССКАЗ

Густой туман окутывал все плотно, как вата. Капитан Рингблад стоял на мостике и внимательно вслушивался в темноту. Внизу стучала машина, стучала неровно, с переборами, с затиханиями, как сердце тяжело больного. «Да, изнашивалась «Марта»... А когда-то она бороздила воды Индийского и Атлантического! Потом была лоцманским судном в порту. Неплохой был корабль, верой и правдой служил он торговому дому «Доггер и сыновья»... А сегодня «Марта» вышла в свой последний рейс. Пять дней назад Доггер старший всеми правдами и неправдами ухитрился заново застраховать «Марту» на сто пятьдесят тысяч крон, и судьба старого судна решилась.

Доггер вызвал к себе Рингблада и, поблескивая очками, сказал:

— Погода сейчас стоит самая подходящая. Условия прежние: пятнадцать процентов страховой премии и обеспечение семьи в случае... — он искал подходящее выражение, — в случае несчастья. Согласны?

Что ж, капитану Рингбладу нечего было возражать. Это стало его профессией — хоронить пловучие «гробы». Никто лучше его не умел в ночном тумане ловко подставить под нос большого судна свой борт.

«Гроб» благополучно опускался на дно. Команда прыгает в шлюпки, и... в худшем случае принимает продолжительную «морскую ванну». Страховку по международным правилам оплачивают собственники судна, потопившего очередного «смертника». Доггеры получают страховую премию, а Рингблад делит со старшим машинистом свои пятнадцать процентов.

Черта с два стал бы заниматься старый капитан этим грязным делом, если бы была возможность найти что-нибудь другое. В свое время и он стоял на мостиках кораблей, ходивших за океан. Как морщины своей ладони, знает Рингблад все мели и фиорды Балтийского и Северного морей. Стар стал капитан Рингблад, стар, как эта «Марта». Ни одна фирма не возьмет к себе на службу капитана, которому перевалило за седьмой десяток. А жить все-таки нужно...

Сзади по курсу послышался низкий и мощный гудок. Рингблад прислушался: какое-то судно медленно пробиралось в тумане, давая гудки через каждые три минуты. Он по гудку узнал: «Это советский теплоход «Богатырь» возвращается в Ригу». Рингблад мысленно пожалел русских: пресса поднимет страшный шум, что, мол, они не умеют водить корабли и нарушают навигационные правила. И наклонившись к переговорной трубке, он крикнул в машину:

— Робби, тормози, потом малый задний! Приготовь пробковый пояс...

В кают-компании «Богатыря» инженер Самойлов объяснял капитану корабля, немолодому сухощавому человеку:

— Идея нашего инфракрасного бинокля не очень сложна. Как известно, человеческий глаз видит лишь небольшую часть спектра излучения — всего лишь волны с длиной от 0,4 до 0,8 микрона. Свет с длиной волны короче 0,4 — ультрафиолетовые лучи — и длиннее 0,8 микрона — инфракрасные лучи

— мы уже не видим. А между тем на инфракрасную и ультрафиолетовую области приходится основная доля спектра. Так, например, если бы мы смогли увидеть инфракрасную часть спектра лампочки накаливания, то она казалась бы нам несравненно более яркой, чем обычно, так как на видимое излучение лампочки идет лишь несколько процентов потребляемой мощности. Остальное уходит на тепловое излучение.

Для видения в темноте наибольший интерес представляют далекие инфракрасные лучи — с длиной волны в несколько микрон. Такие лучи тела излучают уже при обычных температурах. В самые последние годы, когда занялись изучением полупроводников, открыли, что полупроводники — сернистый свинец и теллуристый свинец — под действием далеких инфракрасных лучей дают фотоэлектрический эффект. На этом и основано действие нашего прибора.

На экран из сернистого свинца попадают через систему линз невидимые нам инфракрасные лучи. К этому экрану примыкает другой — из сернистого бария. Под действием лучей из первого экрана вылетают электроны, ускоряются в электрическом поле и попадают на второй. Тот флюоресцирует — светится ярким зеленоватым светом. Так невидимое изображение становится видимым.

— М-да, интересно... — Капитан Ильин задумчиво вертел в руках трубку. — Видеть в темноте! Здорово придумано!

— Досадно, что сегодня такой туман, — продолжал Самойлов, — меня ведь послали испытать бинокль на морских просторах, определить дальность видения. Мы сейчас, если не ошибаюсь, идем в видимости берега — вот бы посмотреть. А тут вдруг этот туман...

Капитан раскурил трубку и долгое время молча шагал по кают-компании в облаке дыма. Потом остановился против Самойлова:

— Послушайте, Лев Андреевич! А почему бы вам не проверить свой прибор в тумане? Я не очень силен в оптике, но вы говорите — длина волн далеких инфракрасных лучей порядка нескольких микрон. А что такое туман? Это водяные пузырьки примерно такого же диаметра — 5—6 микрон. Вы понимаете меня? Инфракрасные волны будут огибать эти пузырьки, и туман станет для них прозрачным.

— А ведь это... Ведь это идея! — воскликнул Самойлов. — Если наш бинокль видит еще и в тумане, то это... — он вскочил с кресла. — Словом, пойдемте наверх.

Опасны осенние туманы на Балтийском море. Корабли на малой скорости идут, давая каждые несколько минут протяжные гудки. На носу корабля стоит матрос — «впередсмотрящий» и напряженно глядит в плотную темноту: не мелькнул ли впереди сигнальные бортовые огни встречного корабля, не грозит ли опасность столкновения?

Самойлов и Ильин вышли на верхнюю палубу. Туман окутывал все настолько плотно, что свет из иллюминаторов как бы застревал в нем, и они в двух шагах были вид-

ны лишь круглыми белесыми пятнами. Капитан, уверенно обходя препятствия, шагал вперед, и Самойлов, несший плоскую коробку с прибором, еле поспевал за ним. На носу дежурный матрос, увидев капитана, доложил:

— Товарищ капитан! Происшествия нет.

— Хорошо. Наблюдайте.

Самойлов привинтил бинокль к штативу и щелкнул кнопками питания. Капитан и инженер приникли к прямоугольному экрану. На экране появились зеленоватые колеблющиеся изображения.

— Волны! — воскликнул Самойлов. — Значит, можно видеть в тумане!

Он стал медленно поворачивать объектив. Внезапно на экране появилось светлозеленое продолговатое пятно. Инженер навел резкость, и пятно оказалось цилиндром, из одного конца которого выходил светящийся зыбкий шлейф.

— Да это же труба! — сказал капитан. — Труба парохода. А шлейф — дым из топки. Но почему труба так светится?

— Ну, это ясно почему — ведь она очень нагрета, следовательно, сильно излучает инфракрасные лучи, и дым тоже горячий.

Самойлов увеличил напряжение, и на экране появилось слабое, но четкое изображение линий борта. Ильин всмотрелся:

— Какой-то древний пароход идет по курсу километра за полтора впереди нас.

Изображение парохода вдруг стало наплывать. — Странно... — сказал Ильин, — почему он стопорит машину? Авария, что ли? Что такое? Дает задний ход! Ах, черт! Это же «пловучий гроб»! Топиться хочет!

— Как топиться? — не понял Самойлов. — Зачем?

— Потом, Лев Андреевич! — капитан подбежал к переговорной трубке: — Право на борт!

«Богатырь» стал разворачиваться вправо.

На экране бинокля судно быстро увеличивалось в размерах.

Ильин снова подошел к Самойлову.

— Объясните же, в чем дело, Сергей Иванович.

— Понимаете, это корабль-самоубийца, самоубийца с корыстными целями. Он пришел в негодность, а хозяева хотят получить за него страховую премию. Он идет задним ходом прямо под нос «Богатыря», чтобы мы его ударили носом. Понимаете?

— Начинаю понимать... И убытки оплачиваем мы. Ну и ну!

Через несколько минут на экране были видны мечущиеся по палубе неизвестного судна светящиеся человеческие фигурки, а еще через три минуты все стоящие на палубе «Богатыря» увидели, как мимо левого борта, разрывая туман, пронесся черный силуэт судна с потушенными огнями.

— Ну вот и все. — Ильин командовал в переговорную трубку: «Идти по курсу!».

На носу корабля на штативе стоял небольшой прибор. Его прямоугольный экран светился слабым зеленовато-красным светом.

«Богатырь» уверенно шел вперед.

В. САВЧЕНКО.

При редакции газеты «Энергетик» создано литературное объединение. На днях состоялось первое организационное собрание членов объединения.

На очередном заседании, которое состоится 28

марта в пять часов вечера, будут обсуждаться материалы литературной страницы, помещенные в этом номере. Принять участие в этом обсуждении приглашаются авторы стихов, очерков, рассказов — студенты всех факультетов.